

пятница 7 ноября

ПЧЕЛКА.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Александринскій Театръ. *Бенефисъ Г-жи Валберховой*: Дитя Таины, фарсъ-водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ Французскаго. — Маскарадъ, сцена въ комедіи Лермонтова. — Черное Домино, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ Французскаго. Дивертиссементъ.

Имя Г-жи Валберховой составляетъ цѣлую лѣтопись Русскаго Театра и драматическаго искусства. Почти ва полвѣка до сего времени, блистала она звездою первой величины на Русской сценѣ, соперничествовала въ трагедіяхъ съ К. С. Семеновой, первенствовала передъ всеми въ комедіи, и участвовала во всѣхъ періодахъ существованія нашего театра и драматической литературы. Иныя она старшая представительница была на сценѣ, и сохранила въ игрѣ своей до сихъ поръ все преданіе классической эпохи нашего театра и сценическаго искусства. Хотя все утверждаютъ, что человечество идетъ впередъ, но въ области художествъ мы часто сомнѣваемся въ этихъ минимыхъ успѣхахъ. Рафаэлей и Тиціановъ мы не видимъ, Моцартовъ не слышимъ, Гарриковъ и Тальма ожидаемъ, Шекспировъ, Шиллеровъ, Мольеровъ и Расиновъ потеряли и надежду видѣть. Вѣроятно, будущіе гении превзойдутъ ихъ всѣхъ, но до тѣхъ поръ мы винимся предъ будущимъ поколѣніемъ, что болѣе уважаемъ произведенія прежнихъ временъ, и о сценическомъ искусствѣ смѣло увѣряемъ, какъ ветераны по этой части, что оно значительно упало противу предшествовавшихъ періодовъ. Главнымъ основаніемъ сценическаго искусства временъ Семеновыхъ, Яковлева, Валберховой, Колосовой (мы не упоминаемъ о тѣхъ, которые еще остались отъ прежнихъ періодовъ) было то, что артисты любили и уважали свое искусство, стремились къ постоянному усовершенствованію, никогда не смѣли въ виду рукоплесканій, для угожденія ранку и похвалъ восторженной части зрителей не пускались въ триниальности, старались всѣчески помогать другъ другу въ наилучшемъ совокупномъ выполненіи пьесъ, а не ду-

мали только лично о себѣ, предоставили другимъ ка волю случая; выйти же съ петвердою ролью передъ публикою, случалось чрезвычайно рѣдко, и считалось униженіемъ знанія артиста. Слѣдственно преимущество того періода было неопровержимо. Некоторые умные цѣнители современной литературы нашли въ ней какую-то *натуральную школу*, испортившую вкусъ и чувство изящнаго. Если бѣ внимательнѣе разсмотрѣть состояніе драматическаго искусства, можетъ быть и въ немъ нашлось бы много стлѣй подобныхъ натуральной школѣ, происшедшей отъ упадка литературы. Какъ ни упорно мы всегда требуемъ *самостоятельности* въ нашей литературѣ, но въ искусствахъ и художествахъ желали бы, чтобъ наши артисты старались подражать образцамъ, признаннымъ всею Европою. Если мы прежде всего желаемъ, чтобъ авторы наши были *Русскими*, то столько же рады будемъ, чтобъ Русскихъ художниковъ называли Рафаэлями, Моцартами, Гарриками. Они могутъ быть увѣрены, что это не унизитъ ихъ.

Понимъ, что въ прежнія времена первая наша трагическая актриса Семенова не пропускала ни одного спектакля, гдѣ играла Жоржъ, и слѣдила за каждымъ ея движеніемъ; всѣ прочіе артисты тоже съ любовью изучали игру хорошихъ образцовъ. Съ другой стороны помнимъ, что сами Французы ходили смотрѣть Яковлева, Семенову, Крутицкаго и др. Тогда это было взаимное обученіе. Актеры на сценѣ знали, что за ними слѣдятъ глаза истинныхъ знатоковъ и цѣнителей, и удвоивали свои усилія, никогда не помышляя о пустыхъ хлопальщикахъ, которыхъ руки чаще всего дѣйствуютъ по привычкѣ и безсознательно. Всѣ эти сужденія немного устарѣли: никто ихъ конечно и не послушается. Но, высказавъ это личное мнѣніе, мы исполнили свой долгъ, по винушенію искренняго чувства любви къ искусству. Оно намъ должно было естественно прійти на умъ при воспоминаніи о продолжительномъ поприщѣ Г-жи Валберховой.

Теперь, пожалуй, поговоримъ и о бенефисѣ ея. По тутъ бѣдно поле для сужденій. Пьесы *Черное Домино* и *Феномена* — переводы съ Французскаго, часто игранные на Михайловскомъ Театрѣ. О нихъ вовсе нечего было и говорить, если бѣ въ *Черномъ Доминѣ* не любитировала въ первый разъ Г-жа Гольцъ, дочь нашего

пантомимнаго танцовщика, вѣрнее Дидло, Огюста и Колосовой. Это было чрезвычайно пріятное явленіе. Дѣвица Гольцъ играла роль Анжелы, и публика приписала ее съ величайшими знаками одобренія. Дебютантка обладаетъ отъ природы качествами, могущими со временемъ развиться и сдѣлать изъ нея хорошую актрису. Молодость и красота — два прекрасныхъ вспомогательныхъ качества. Надѣемся, что будущіе успѣхи ея оправдаютъ лестный пріемъ публики. Она теперь еще неопытная ученица, но безъ ученія никто не сдѣлается артистомъ. Не сомнѣваемся, что прелестная дебютантка вскорѣ явится уже съ болѣшимъ развитіемъ природнаго своего дарованія, и тогда мы постараемся поговорить о ней поболѣе. Взвѣсивъ за роль Плесси, она, конечно, сама чувствуетъ, что только особенное снисхожденіе публики и память о сценическихъ заслугахъ ея отца были поводомъ къ блистательному пріему. Будущіе ея успѣхи и дарованіе оправдаютъ все это. Вообще мы не слишкомъ можемъ похвалить совокупный ходъ пьесы, хотя она и была хорошо обставлена.

Сверхъ того игры были сцелы изъ известной комедіи Лермонтова: *Маскарадъ*. Это произведеніе не сценическое, но наполнено глубокими мыслями и сильнымъ драматизмомъ. Превосходный нашъ Кларатыгинъ 1-й игралъ роль Арбенина; жену его Г-жа Читау, Звѣздича Смирновъ 1-й, маску Г-жа Орлова. Слѣдственно обстановка была наилучшая. Но мы при этомъ случаѣ вспомнили свой фельетонъ о недавней игральной трагедіи *Портретъ*, переводъ съ Нѣмецкаго. Публика тогда смѣялась. Если насъ это и не поразило, то огорчило, и мы подумали, что преувеличенность Германскаго драматизма и отвычка нашей публики отъ серьезныхъ вещей произвели эти странныя явленія. Увы! стили Лермонтова, лучшіе послѣ Пушкина, написанные съ глубокимъ чувствомъ, остались незамеченными. Драматическое положеніе Арбенина и жены его, грозная испышка страстей и трагическій конецъ этого драматическаго анекдота не возбуждалъ особеннаго вниманія публики. — Впрочемъ, мы обязаны сказать, что Г-жа Читау искренно порадовала насъ исполненіемъ роли Таины: она видимо старается усовершенствовать свое прекрасное дарованіе, и дѣлаетъ видные успѣхи.